

— Выбирай что хочешь, если это будет слишком дешево, мне будет неловко, — сказал Чэнь Цзяюй. — Может, возьмем французский десерт?

Фан Хао покачал головой, отказываясь, и спросил:

— Неужели на 17-й левой полосе так сладко? Если ты сядешь на 17-ю правую, прорулишь двадцать пять минут и сразу поедешь домой, или прорулишь пятнадцать минут на 17-ю левую, потратишь десять минут на оплату — разве не одно и то же? — Он с самым серьезным видом принялся подсчитывать расходы для Чэнь Цзяюя.

Чэнь Цзяюй возмутился:

— Когда это я рулил пятнадцать минут? — Но про себя подумал: этот парень, должно быть, за всю жизнь толком не пользовался ничьей щедростью.

Фан Хао ответил:

— Ты что, думаешь, я не вижу? Чу Ижоу жаловалась, что вы ползете как черепахи.

Чэнь Цзяюй сделал вид, что это его не задело, и беспечно улыбнулся. Они перекинулись парой фраз о рабочих графиках на ближайшие недели — ничего важного, но десять с лишним минут пролетели незаметно.

Когда Чу Ижоу закончила смену в диспетчерской вышке и спустилась вниз, она обыскала всё вокруг, но Фан Хао не нашла. В итоге она получила от него сообщение в WeChat, что они встречаются в Коза. Подойдя к кафе, она увидела, как Фан Хао и Чэнь Цзяюй стоят, прислонившись к черной барной стойке. Фан Хао, работавший в дневную смену, был в форменной рубашке, сером джемпере и черных брюках. Чэнь Цзяюй, в своей летной форме, накинул сверху черное пальто, выглядя весьма приметно. Коза была оформлена как открытый остров, они стояли прямо посреди прохода, заставляя многих девушек оборачиваться им вслед.

Фан Хао заметил её первым:

— Эй, мы здесь.

Чу Ижоу была удивлена, увидев Чэнь Цзяюя, и поздоровалась:

— Брат Цзя. — Затем обратилась к Фан Хао: — Жду тебя целую вечность, думала, тебя вызвал начальник.

Фан Хао, пребывавший в отличном настроении, кивнул подбородком на Чэнь Цзяюя:

— Вот, четыре полосы на плечах, разве он не начальник?

От этих слов Чэнь Цзяюю стало легко на душе, хотя он понимал, что это шутка. Он невозмутимо ответил:

— Что вы, что вы. Когда я летаю с вами, вы оба для меня начальники.

Фан Хао улыбнулся и промолчал.

Чэнь Цзяюй спросил:

— Идете ужинать?

Чу Ижоу почувствовала себя неловко — Чэнь Цзяюй был таким высоким, с широкими плечами и узкой талией, даже после десяти с лишним часов в пути его прическа оставалась безупречной, а эти двойные веки, огромные глаза и высокий прямой нос — он был действительно красив. Стоило ему задержать на ней взгляд на пару минут, как она тут же краснела.

Чу Ижоу, помня о том, что они уже однажды ужинали вместе, пригласила его:

— Эм, брат Цзя, составишь нам компанию?

Чэнь Цзяюй посмотрел на часы. Ему очень хотелось согласиться, но он понимал, что это лишь вежливость. К тому же нужно было заехать в больницу к матери, поэтому он ответил:

— Я поел в Шэньчжэне. Сегодня есть дела, так что пойду. В следующий раз я вас угощу.

Чу Ижоу кивнула, Фан Хао тоже попрощался с ним.

Проводив взглядом удаляющуюся фигуру, Чу Ижоу пробормотала:

— У вас сейчас неплохие отношения.

Фан Хао отпил свой матча-латте и сказал:

— Познакомились в драке, подружились после.

Чу Ижоу снова проворчала:

— Какая из меня начальница? Сегодня ты не видел: он с тем вторым пилотом рулили со скоростью улитки.

Фан Хао прыснул со смеху:

— Легко говорить, когда самому не нужно сидеть за штурвалом.

В Столичном аэропорту разница между 36L и 36R колоссальная.

Глава 12. Чувство меры

Обычно перед визитом к матери Чэнь Цзяюй пребывал в скверном расположении духа. Он не любил больницы: резкий запах антисептика, в воздухе витает что-то торжественное и безнадежное. Но сегодня рейс прибыл раньше, да и дела шли успешно, так что настроение было хорошим, и всю дорогу до больницы он напевал песню. Однако стоило ему достать телефон, как хорошее настроение мгновенно испарилось.

В WeChat высветилось сообщение от контакта, с которым он давно не общался. Ему совсем не хотелось открывать чат, но, увидев текст сообщения, он был вынужден это сделать.

Это была Янь Юй.

Она написала: Цзя, слышала, тетя в Третьей больнице?

Она звала его по имени, состоящему из одного слога. Так как в их именах обоих был иероглиф Юй, за несколько лет это стало привычкой.

Спустя некоторое время пришло еще одно сообщение: Мой отец тоже проходит здесь обследование, хочу заодно навестить тетю.

Чэнь Цзяюй мгновенно почувствовал раздражение. Они не общались с Янь Юй больше полугода. В прошлый раз, когда его матери только поставили диагноз, Янь Юй звонила, чтобы выразить сочувствие. Когда они были вместе, Янь Юй, которую родители носили на руках, никогда сама не проявляла заботы о его родителях. Теперь, когда они расстались, она вдруг решила навестить его маму в Третьей больнице — очевидно, что её намерения далеки от добрых пожеланий. Чэнь Цзяюй, разумеется, не был глупцом. Изначально он хотел проигнорировать её, но зная, что Янь Юй — человек порывистый, как ветер (её имя, данное родителями, оправдывало себя на все сто), решил не рисковать. Он не хотел, чтобы она видела его мать и лишний раз расстраивала её.

Ему пришлось быстро ответить: Давай созвонимся.

Через пять минут раздался звонок от Янь Юй.

— Что случилось? — прямо спросил Чэнь Цзяюй, не тратя время на приветствия.

Тон Янь Юй был мягким и неспешным:

— Я в Третьей больнице, сопровождаю отца на обследование. Вспомнила, что ты говорил о маме, вот и решила спросить.

Чэнь Цзяюй нахмурился:

— ...Как здоровье дяди Яня? — Хотя Янь Юй была с характером принцессы, её родители были очень добрыми людьми. Особенно отец, отставной моряк, который был весьма симпатичен Чэнь Цзяюю.

Янь Юй ответила:

— Обычное обследование. Старик даже спрашивал о тебе.

Чэнь Цзяюй не знал, как на это ответить, и в конце концов решил быть твердым:

— Янь Юй, если хочешь что-то сказать — говори прямо. У мамы в последнее время неважно с настроением, я боюсь, что она не вынесет лишних потрясений. И к тому же, мы расстались почти два года назад, у пожилых людей память не всегда хороша.

Зачем он упомянул про потрясения — в его словах был подтекст, и Янь Юй не могла этого не понять.

Наконец она произнесла:

— Хорошо, я просто хотела поговорить о том, что было тогда.

Чэнь Цзяюй вздохнул. Опять о том, что было тогда. Ему казалось, что он уже много раз пережевывал эту тему, и они оба уже всё обсудили:

— Ну и что опять?

Янь Юй сказала:

— Ты тогда... ты ведь был недоволен Ло Кайюанем? Когда мы познакомились, мы уже два месяца как расстались, а сошлись только спустя полгода после этого.

Чэнь Цзяюй догадался:

— Ты рассталась с Ло Кайюанем? — У Янь Юй никогда не было недостатка в ухажерах. Чэнь Цзяюй заметил, что у неё, кажется, была зависимость от отношений: без любви она чувствовала пустоту. То, что она связалась с ним сейчас, было очевидным признаком.

Янь Юй ответила:

— Да, верно.

Чэнь Цзяюй сказал:

— Мы уже расстались, и причина вовсе не в Ло Кайюане. Я никогда не подозревал, что у вас что-то было... Мы просто не подходили друг другу, ты должна понимать это лучше меня.

Поняв, что не может переспорить его, Янь Юй смягчила тон:

— Да, ты прав. Я просто... я просто соскучилась. Я знаю, что не должна была звонить, но я... — Голос её дрогнул, она была готова заплакать. Было кое-что, что она хотела сказать, но не осмелилась: Ты относился ко мне лучше всех, никто не был так добр, как ты. Это была правда, но произнести её означало бы окончательно потерять достоинство.

Чэнь Цзяюю было тяжело. Он по натуре своей был человеком, который поддается на мягкое, но не на жесткое. Видя, что собеседница едва сдерживает рыдания, он решил не давить. В конце концов, при расставании именно он предложил разойтись мирно и обещал помочь, если возникнет нужда. Теперь Янь Юй «понадобилась помощь», и она пришла к нему — с её точки зрения, это казалось вполне логичным.

Когда они только познакомились, Янь Юй работала стюардессой в той же компании. На самом деле, если судить по внешности, она не была самой красивой — было немало стюардесс и эффектнее неё. Но у Янь Юй был холодный, отстраненный характер и модельная внешность; коллеги считали её высокомерной, а Чэнь Цзяюю эта девушка показалась очень интересной. Он добивался её больше полугода, прежде чем они начали встречаться.

Но после того как они сошлись, он заметил, что Янь Юй изменилась. Она часто придиралась к мелочам. В её глазах Чэнь Цзяюю должен был быть идеальным парнем: презентабельным на людях, почтительным к старшим, когда они дома, убираться, готовить еду, оплачивать счета в ресторанах, возвращаться домой каждый день, если рейс внутренний, и покупать ей косметику, если летал за границу. Поначалу Чэнь Цзяюю считал, что ради её счастья стоит постараться. Ни одна из его бывших возлюбленных после расставания не упрекала его в том, что он сделал недостаточно. Позже он понял, что их модель отношений с самого начала была неверной: он постоянно отдавал, а Янь Юй — постоянно требовала. Чэнь Цзяюю внезапно осознал, что первую половину своей жизни потратил на то, чтобы «превзойти ожидания» других. Он был одержим мнением родителей и партнеров, стремясь быть лучше, чем они того желали. Янь Юй была не виновата — она просто заперла его в ловушке его собственного образа мышления и принимала его жертвы как нечто само собой разумеющееся.

Примерно за месяц до того происшествия с экстренной посадкой в Сянгане он начал понимать, что что-то идет не так. Янь Юй предложила пожениться, и Чэнь Цзяюю впервые за всё время их отношений ей отказал.

После Сянгана Янь Юй с покрасневшими глазами предложила снова. Чэнь Цзяюю отказал во второй раз.

Спустя долгое время он случайно прочитал в глубоком репортаже, что многие влюбленные пары, находившиеся на борту рейса Air China 416, который пережил смертельную опасность и благополучно приземлился, впоследствии имели лишь два исхода: либо пожениться, дав клятву всегда быть вместе, либо расстаться, осознав, что жизнь слишком коротка, что они не подходят друг другу и нужно искать настоящую любовь.